Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

ЛЕНИН О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Товарищ Н. К. Крупская, вспоминая об отношении В. И. Ленина к Чернышевскому, говорит: «Вряд ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как он любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость и уважал его в чрезвычайной мере» [1].

Действительно, Ленин в своих книгах и статьях очень часто говорил о Чернышевском. В справочном указателе к сочинениям Ленина указано 39 отрывков, в которых он упоминает о Чернышевском. Кроме того, ряд упоминаний о нем находим в тех материалах — «Ленинских сборниках», которые не вошли в собрание сочинений.

Отзывы и замечания Ленина чрезвычайно глубоки и интересны. Но во всех своих отзывах о Чернышевском Ленин подходил к нему всякий раз с какой-нибудь одной стороны этого многогранного человека и не дал нигде исчерпывающей, суммирующей сводки своих характеристик, рассеянных в ряде статей и в ряде томов, характеристик, часто очень коротких, но глубоких по содержанию. Поэтому тот, кто захочет ясно представить себе полностью характеристику, которую Ленин давал Чернышевскому, должен сам произвести эту работу суммирования разрозненных замечаний. Настоящая статья и представляет попытку такого суммирования.

Ленин писал о Чернышевском:

«Демократ», «гениальный провидец», «наш русский великий утопист», «великий русский писатель», «великий русский социалист», «социалист-утопист», «величайший представитель утопического социализма», «последовательный боевой демократ», «замечательно глубокий критик капитализма», «великорусский демократ, отдавший свою жизнь делу революции», «русский великий социалист до-Марксова периода», «один из первых социалистов в Рос-

---

1 *А. Луначарский.* «Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности». «Вестник Коммунистической Академии», кн. 25.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

сии, замученный палачами правительства». Некоторые из этих характеристик повторяются неоднократно.

В этих характеристиках часто встречаются две: «великий русский социалист» и «демократ». Ленин часто к слову «социалист» прилагал еще эпитет «утопический». Очевидно, Ленин видел характернейшую черту Чернышевского в том, что он был единовременно и «утопическим социалистом» (и притом «великим»), и «демократом».

И действительно, уже в брошюре «Что такое «друзья народа» Ленин, характеризуя конец 50-х и начало 60-х годов, писал:

«...та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, напр., в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи, — которая и до сих пор продолжает еще кое-где держаться среди русских социалистов, крайне вредно отзываясь и на их теориях и на их практике, — будто в России нет глубокого, качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять *неизбежность и настоятельную необходимость полного и окончательного разрыва* с идеями демократов» [1].

Но разве всякий социалист не должен быть демократом? Разве мы, строители социалистического общества, не создали наиболее демократическую из всех когда-либо существовавших конституций? Конечно, каждый социалист должен быть демократом, и если Ленин говорил, что «та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, напр., в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность», то это потому, что под словами «демократизм» и «социализм» он подразумевал особый вид социализма и демократизма.

Это не был научный социализм, как он был развит в работах Маркса, Энгельса и самого Ленина. Это был *утопический* социализм, характернейшей чертой которого было то, что он не знал пути к торжеству социализма через классовую борьбу пролетариата, через революцию, в которой вождем и гегемоном выступает пролетариат, и далее через диктатуру пролетариата. А «демократизм», который имел в виду Ленин в вышеприведенной цитате, был не наш современный пролетарский демократизм, который вводит теперь в действие наиболее демократическую Сталинскую Конституцию, а крестьянский демократизм.

В самом деле, как представлял себе Чернышевский политический переворот в России и дальнейшее изменение общественного строя?

Главное зло современной ему русской жизни Чернышевский ви-

---

[1] *Ленин.* Соч., том I, стр. 170—171. (Везде цитируется по III изд. 1931 г.)

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

дел в крепостном праве. В 1858 году в статье «О новых условиях сельского быта» он писал:

«Дух сословия, имеющего главное участие в государственных делах, организация войска, администрация, судопроизводство, просвещение, финансовая система, чувство уважения к закону, народное трудолюбие и бережливость — все это сильнейшим образом страдает от крепостного права, все искажается им в настоящем, и сильнейшее препятствие в нем встречается каждым нововведением, каждым улучшением для будущего. Много говорили мы о наших недостатках и множество всевозможных недостатков находили в себе, но общий, главнейший источник всех их — крепостное право; с уничтожением этого основного зла нашей жизни каждое другое зло ее потеряет девять десятых своей силы».

Итак, крепостное право — вот основное зло. За это звено и должен был схватиться в то время политический деятель.

Каким же путем мыслил Чернышевский уничтожение крепостного права в России?

Он не ждал его ни от царя, ни от либеральных помещиков. Он был убежден, что настоящее, действительное освобождение крестьян, такое освобождение, которое будет произведено в их интересах, а не в интересах помещиков, может произойти только революционным путем.

«...если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский», писал Ленин в 1911 году в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»[1].

«...Чернышевский был не только социалистом-утопистом, — продолжает Ленин несколько далее. — Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью*, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «*болтунами, хвастунами и дурачьем*», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими» [2].

---

1 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 143.
2 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 144.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

И действительно, в своем «Дневнике», где Чернышевский мог откровенно записывать свои мысли, он писал еще в 1850 году, что, по его мнению, Россия быстро идет к революции, что «мирное и тихое развитие невозможно», что «без конвульсий нет никогда ни одного шага в истории». В «Дневнике» за 1853 год он записал свой разговор с невестой. «У нас будет скоро бунт,— говорил он ей,— а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Недовольство народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного кружка, враждебных против настоящего порядка вещей. Готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через десять, но я думаю скорее. А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость[1], не буду в состоянии удержаться. Я приму участие. Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня».

Было много революционеров из среды интеллигенции, которые мечтали о революции. Но в то же время они, чуждые трудовым массам, боялись этой революции. Они боялись, что пролетариат и крестьянство, низвергнув власть эксплоататоров, став сами у власти, не сумеют оценить завоеваний культуры, что они разрушат культуру. Этого боялся, например, Гейне. А Чернышевский не имеет этих опасений. Он, очевидно, убежден, что, став у власти, трудящиеся сумеют не только сохранить старую культуру, но и создать новую, неизмеримо более блестящую. В этом виден глубокий, органический демократизм Чернышевского.

Приведенная выше выписка из «Дневника» Чернышевского не была для него пустыми словами. Он действительно все силы свои отдал делу пропаганды и подготовки революции. Он умел делать это блестяще, ловко обходя цензуру, а часто прямо издеваясь над ней, «чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати»[2], — говорит Ленин, характеризуя Чернышевского. В другом месте Ленин отмечает «могучую проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*»[3].

В конце 1861 года Чернышевский решил прямо при помощи написанной им прокламации обратиться к крестьянству с призывом готовиться к близкой революции.

Чернышевский был утопическим социалистом. Но в то время как великие утопические социалисты Западной Европы — Фурье, Оуэн и др.— думали, что их идеальный социалистический строй

1 Чернышевский, как человек чрезвычайно скромный, говоря о себе, всегда старался выставить себя в смешном виде, выставить в преувеличенном виде свои недостатки или даже приписать себе такие, которых у него совсем не было. Так он делает и в данном случае. В действительности никакой трусости у него не было; как показала вся его жизнь, он был очень мужественным, стойким революционером.

2 *Ленин*. Соч., том I, стр. 178.

3 *Ленин*. Соч., том IV, стр. 126.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

может быть осуществлен только мирными средствами, Чернышевский не допускал этого мирного пути. Все свои надежды он возлагал только на революцию и притом на революцию, которую должна была сделать не кучка заговорщиков, а действительно широкие народные массы. Чернышевский не только на словах признавал теорию классовой борьбы; он клал ее в основу всей своей политики. В этом признании революции, как единственного пути осуществления социалистического строя, в этом признании класса «трудящихся» единственно способным осуществить эту социалистическую революцию состоит громадное превосходство Чернышевского над утопическими социалистами Западной Европы.

Чернышевский был смелым, мужественным, непреклонным, стойким революционером. Признавая основным злом в России того времени крепостное право и царизм, против них он и направлял свои удары.

Какой же строй установился бы в России, если бы исполнились надежды Чернышевского и в России в начале 60-х годов победила бы та революция, которую он подготовлял?

В России установился бы буржуазно-демократический строй. Чернышевский сам знал это; в своей прокламации «Барским крестьянам» он ничего не говорил о социализме; он указывал, как на желательный образец, на Швейцарию, Англию и Америку.

Вот что писал, например, Чернышевский в этой прокламации:

«Вот у французов есть воля, у них нет розницы: сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать; много у него земли — значит богат он; мало — так беден; а розницы по званью нет никакой... Надо всеми одно начальство, суд для всех один и наказание всем одно.

Вот у англичан есть воля, а воля у них та, что рекрутства у них нет: кто хочет, иди на военную службу... А кто не хочет, тому и принужденья нет...

А то вот еще в чем воля и у французов и у англичан: подушной подати нет. Вам это, может, и в ум не приходило, что без рекрутчины да без подушной подати может царство стоять. А у них стоит. Вот, значит, умные люди, коли так устроить себя умели.

А то вот еще в чем у них воля. Паспортов нет; каждый ступай, куда хочет, живи, где хочет, ни от кого разрешенья на то ему не надо...

А то вот еще в чем у них воля: никто над тобой ни в чем не властен, окроме мира... Народ у них всему голова: как народ повелит, так тому и быть. У них и царь над народом не властен, а народ над царем властен».

Далее рассказывается, что в Швейцарии и Америке совсем нет царей, что там «народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается», и «тогда народу лучше бывает жить, народ богаче бывает». «Вот это воля, так воля и есть. А коли того нет, значит, и воли нет, а все одно: обольщенье в словах».

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

Из этих цитат видно, что только об одном демократическом строе и говорил Чернышевский в своей прокламации. Достижение этого демократического строя он и ставил задачей ожидаемой им в России революции. О социализме он в своей прокламации не говорил ничего.

Итак, рассматривая эту сторону деятельности Чернышевского, мы видим в нем действительно последовательного, решительного, непримиримого по отношению к пережиткам старого, крестьянского, революционного демократа. Эту сторону и подчеркивал неоднократно Ленин в своих характеристиках Чернышевского, называя его демократом.

В своих заметках на опубликованную в 1910 году статью Плеханова о Чернышевском Ленин отмечает, что Плеханов недооценивает общий материалистический характер воззрений Чернышевского, «чересчур» подчеркивая в них элементы идеализма, и что «из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа»[1].

Но Чернышевский был не только революционным демократом. Он был в то же время и социалистом. Он не удовлетворялся политическими реформами или переворотами, как бы радикальны они ни были. Обращаясь к вождям французской либеральной буржуазии, он писал в своем «Дневнике»:

«Эх, господа, вы думаете, дело в том, чтобы было слово республика да власть у вас,— не в том, а в том, чтобы избавить низший класс от его рабства, не перед законом, а перед необходимостью вещей, как говорит Луи Блан, чтобы он мог есть, пить, жениться, воспитывать детей, кормить отцов, образовываться и не делаться: мужчины — трупами или отчаянными, а женщины — продающими свое тело. А то вздор то! Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода, и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают тексты, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором девять десятых — орда, рабы и пролетарии; не в этом дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого».

Эта запись в «Дневнике» ясно показывает, что Чернышевский был не только политическим радикалом, не только демократом. Основной целью политической деятельности он ставил заботу о благе трудящихся, о том, чтобы «один класс не сосал кровь другого». Другими словами, он был социалистом.

Какой же характер имел социализм Чернышевского?

Чернышевский был не только широким, разносторонним, но и глубоким мыслителем. Его мировоззрение имело под собою глубокую философскую основу. Этой основой был материализм, ко-

---

1 Ленинский сборник, XXV, стр. 231.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

торому Чернышевский оставался верен всю свою жизнь. Ленин очень высоко ценил эту сторону мировоззрения Чернышевского и отмечал, что «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»[1]. Однако немедленно вслед за приведенными словами Ленин добавляет: «Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса». В другом месте (в статье «Народники о Н. К. Михайловском») Ленин писал: «В философии Михайловский сделал *шаг назад* от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т.-е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.)» [2].

Чернышевский понимал, что развитие общества совершается не по воле отдельных гениальных личностей, а как результат борьбы общественных сил. «Совершение великих мировых событий,— писал он,— не зависит ни от чьей воли, ни от какой личности. Они совершаются по закону, столь же непреложному, как закон тяготения или органического возрастания». «Серьезное значение имеют только те желания, которые основанием своим имеют действительность; успеха можно ожидать только в тех надеждах, которые возбуждаются действительностью, и только в таких делах, которые совершаются при помощи сил и обстоятельств, представляемых ею». Чернышевский в значительной степени понимал классовую сущность всякой общественной борьбы и в своих сочинениях освещал политическую и общественную жизнь как России, так и Западной Европы с точки зрения классовой борьбы. «От его сочинений веет духом классовой борьбы» [3], — писал Ленин. Чернышевский понимал, что в основе всякой науки, всякой философии лежат классовые интересы; больше того — он прекрасно понимал партийность науки и философии. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения, — писал он, — создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ». «Философские системы насквозь проникнуты духом тех политических партий, к которым принадлежали авторы систем».

Итак, Чернышевскому была ясна роль классовой борьбы. Он знал и то, что в современном обществе борются три основные

---

1 *Ленин.* Соч., том XIII, стр. 295.
2 *Ленин.* Соч., том XVII, стр. 224.
3 *Ленин.* Соч., том XVII, стр. 342.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

класса (он называл их «сословиями»): помещики-землевладельцы, капиталисты и третий класс, который он называл «простолюдинами», соединяя в нем и рабочих, и ремесленников, и крестьянство. Чернышевский не выделял пролетариат в особый класс из среды «простолюдинов». В 50-х и 60-х годах XIX столетия, когда писал Чернышевский, капитализм был еще очень слабо развит в России, пролетариат был еще немногочисленным. Наиболее многочисленным классом было крестьянство. Главным «злом» в то время в России было действительно крепостное право, сковывавшее всю жизнь страны; его нужно было устранить прежде всего. Рабочие волнения, выражавшиеся тогда в редких, разрозненных и неорганизованных выступлениях против хозяев фабрик и заводов, играли небольшую роль по сравнению с волнениями крепостных крестьян. Наконец, рабочие того времени были еще очень тесно связаны с крестьянством (иногда они были и крестьянами и рабочими одновременно). Все это было причиной того, что Чернышевский не уяснил, да и не мог в то время уяснить себе, историческую революционную роль пролетариата. Пролетариат для него сливался с другими слоями трудящихся, а в России — с крестьянством. Поэтому социализм Чернышевского носил характер крестьянского социализма.

Чернышевский не понимал, что социализм может быть построен только пролетариатом, ставшим у власти после победы пролетарской революции. Для построения социализма Чернышевский искал других путей. «Чернышевский,— писал Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»,— был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма» [1]. А в области промышленности Чернышевский рекомендовал для осуществления социализма прибегнуть к организации производительных товариществ на добровольных началах, которые должны были получать ссуды от государства. Образование таких кооперативных товариществ могло быть осуществлено только после победоносной крестьянской революции. Но неизвестно, какие причины побудили бы крестьянство строить такой «социализм», когда каждый крестьянин стремился бы прежде всего к расширению и развитию своего индивидуального хозяйства. В действительности в случае победы в 60-х годах крестьянской революции в России не произошло бы никакого строительства социализма, а были бы созданы только чрезвычайно благоприятные условия для быстрого развития капитализма, что было бы, конечно, в то время чрезвычайно прогрессивным явлением.

В действительности же крестьянские массы могут быть вовле-

---

1 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 144.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

чены в процесс строительства социализма только в условиях диктатуры пролетариата, как это показала нам Октябрьская социалистическая революция.

Итак, Чернышевский не знал правильного пути к торжеству социализма. Ленин, отдавая должное гениальности Чернышевского, его революционности и т. д., указывая, что Чернышевский был «замечательно глубоким критиком капитализма» [1], характеризовал его всегда как утопического социалиста.

Маркс и Энгельс, которые были хорошо знакомы с сочинениями и деятельностью Чернышевского, также очень высоко ценили его как социалиста, подвергшего меткой, убийственной критике буржуазно-помещичий строй и буржуазную политическую экономию, и вместе с тем, как мужественного, непреклонного революционного демократа. В «Послесловии» ко второму изданию «Капитала» Маркс указывал, что «банкротство «буржуазной» политической экономии мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский».

Энгельс также очень высоко ценил Чернышевского. Так, в послесловии к статье «Социальные отношения в России» он называет Чернышевского великим мыслителем, «которому Россия бесконечно обязана столь многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II»... И далее в той же статье: «Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилюйске... Все его умственное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером... Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше». В статье «Эмигрантская литература» Энгельс говорит, что Россия — «страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов».

Наконец, в письме членам комитета русской секции в Женеве Маркс писал: «Такие труды, как Флеровского и вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века».

В статье «Что такое «друзья народа» Ленин отмечает «глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности» [2]. С другой стороны, мы видели, что Чернышевский был утопическим социалистом и неправильно указывал путь к социализму. Как же примирить эти два положения?

Поистине Чернышевский как революционный демократ обнару-

---

[1] *Ленин.* Соч., том XVII, стр. 342.
[2] *Ленин.* Соч., том I, стр. 178.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

жил гениальное понимание окружавшей его русской действительности. Он понял, что главным злом, главным препятствием всему дальнейшему развитию России в 50-х годах было крепостное право, и на нем сосредоточил он всю силу своих ударов. Но еще большая гениальность Чернышевского сказалась в том, что он понял глубокую революционность русского крестьянства, понял, что уничтожение крепостного права, произведенное царем руками помещиков, отнюдь не уничтожало ни этой глубокой революционности, ни причин, ее порождающих. И после уничтожения крепостного права Чернышевский продолжал готовить эту революцию и положил начало движению, которое действительно сыграло крупную роль в революции.

Чернышевский был одним из предтеч народничества.

«Народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского»,— писал Ленин в 1913 году в статье «О народничестве» [1]. «Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества», — повторял он в статье «Памяти Герцена». «Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения» [2].

На смену Герцену пришли другие люди, выросшие в России и вышедшие из других классов. Это были революционеры-разночинцы. «Как декабристы разбудили Герцена, — писал Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России», — так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»...

«Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество» [3].

Кадрами революционной демократии 60-х годов были разночинцы-интеллигенты, выходцы из мелкобуржуазных слоев. Это были «революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышев-

---

1 *Ленин.* Соч., том XVI, стр. 283.

2 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 466—467.

3 *Ленин.* Соч., том XVII, стр. 341—342. «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев»... — говорит Ленин в уже цитированной статье «Памяти Герцена» (том XV, стр. 467).

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

ский»[1]. «...Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»[2]. Наиболее ярко и открыто революционная защита интересов крестьянства развита была Чернышевским в его прокламации «Барским крестьянам», где он писал, не считаясь с требованиями царской цензуры. За эту деятельность Чернышевского Ленин и называл его «последовательным и боевым демократом». В статье «Памяти Герцена» Ленин писал:

«Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году»[3].

Итак, в движении русской революционной демократии при его возникновении в 60-х годах (точнее — в конце 50-х годов) была революционная сторона. Она состояла в том, что революционная демократия в то время выражала и защищала интересы широких масс жестоко эксплоатируемого, угнетаемого и в основе революционно настроенного крестьянства. Революционная демократия (а во главе ее Чернышевский) в то время ставила своей задачей подготовку такой крестьянской революции, которая смела бы до основания старый крепостнический строй и уничтожила бы всякую силу помещиков.

Вожди этой революционной демократии были и социалистами,— правда, утопическими. Но в то время этот утопический социализм не выступал противником пролетарского революционного движения, противником научного социализма. Это обстоятельство и отмечал Ленин в характеристике Чернышевского, как демократа той поры

---

1 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 143.
2 *Ленин.* Соч., том XVII, стр. 342.
3 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 468—469.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

«общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое»[1].

Но в революционной демократии наряду с революционным крестьянским демократизмом существовала и другая черта. Крестьянство — это была в то время только потенциальная революционная сила. Кадры революционной демократии состояли тогда из интеллигентных разночинцев — выходцев из чиновничества, мещанства, мелкого купечества, духовенства и прочих мелкобуржуазных слоев, а также из среды обедневшего дворянства. В силу вообще неустойчивости мелкой буржуазии, а в частности ее интеллигентских представителей, соприкасавшихся с дворянством и буржуазией, в разночинских кадрах возникло и развивалось тяготение к этим верхушечным слоям, к их идеологии и программе — к либерализму, то есть к идеологии и политике, враждебной пролетариату. Этот народнический либерализм выступал для привлечения к себе сочувствия масс под маской социализма, но социализма реформистского, враждебно относившегося к пролетарскому социализму.

В конце 1897 (или в начале 1898) года Ленин написал статью «От какого наследства мы отказываемся»[2], в которой он давал характеристику «просветителей» 60-х годов и народников 70—80-х годов и устанавливал отношение марксистов к этим двум течениям. Для характеристики шестидесятников он взял в своей статье книгу буржуазного либерала того времени Скалдина («В захолустьи и в столице»). Но в примечании на страницах 314—315 он говорил, что Скалдин во многих отношениях не типичен для 60-х годов. Однако, взять представителя «наследства» с более типичным тоном было для него неудобно. В одном письме он повторяет, что Скалдин «не типичен» для 60-х годов, что «типичных» писателей взять «неудобно», что у него «не было статей Черн[ы]ш[евск]ого... да и не переизданы еще главные из них, да и вряд-ли бы сумел обойти при этом подводные камни»[3], то есть цензуру.

Итак, наиболее характерным для «просветителей» 60-х годов Ленин считал Чернышевского. Каковы же характерные черты этих «просветителей», которые Ленин отмечал в своей статье?

«Как и просветители западно-европейские, как и большинство литературных представителей 60-х годов, Скалдин одушевлен горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, глав-

1 *Ленин.* Соч., том I, стр. 170.
2 *Ленин.* Соч., том II, стр. 303—338.
3 Ленинский сборник, том IV, стр. 13—14.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

ным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов» [1].

Что касается народничества семидесятых годов, то оно проявило три черты, которые сделали его «теорией реакционной и вредной». Эти черты следующие:

«Первая черта — признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники объявили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями и т. п. и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние, основанные на том, что чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д. С «наследством» все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему... «Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести до чиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше, — это «наследство» не только не при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им» [2].

«Вторая черта народничества — вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.... Это общее всем народникам учение о самобытности России опять таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-ые годы», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение о самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией» [3].

«Третья характерная черта народничества — игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с матерьяльными интересами определенных общественных классов—находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло по-

1 *Ленин.* Соч., том II, стр. 314.
2 *Ленин.* Соч., том II, стр. 323—324.
3 *Ленин.* Соч., том II, стр. 324—325.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

родить учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути». Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, *прямо противоречит этим традициям»* [1].

«Итак, — заключает Ленин, — хотя народничество сделало крупный шаг вперед против «наследства» просветителей, *поставив* вопрос о капитализме в России, но данное им *решение* этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мелко-буржуазной точки зрения и сантиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось *позади* по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов *минусом»* [2].

Подводя итоги этим параллелям, Ленин заключает:

«Просветитель верит в данное общественное развитие, ибо не замечает свойственных ему противоречий. Народник боится данного общественного развития, ибо он заметил уже эти противоречия. «Ученик» [3] верит в данное общественное развитие, ибо он видит залоги лучшего будущего лишь в полном развитии этих противоречий. Первое и последнее направление стремится поэтому поддержать, ускорить, облегчить развитие по данному пути, устранить все препятствия, мешающие этому развитию и задерживающие его. Народничество, наоборот, стремится задержать и остановить это развитие, боится уничтожения некоторых препятствий развитию капитализма. Первое и последнее направление характеризуется тем, что можно бы назвать историческим оптимизмом: чем дальше и чем скорее дела пойдут так, как они идут, тем лучше. Народничество, наоборот, естественно ведет к историческому пессимизму: чем дальше дела пойдут так, тем хуже. «Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России. Народничество поставило вопрос о капитализме в России, но решило его в смысле реакционности капитализма и потому не могло целиком воспринять наследства просветителей: народники всегда вели войну против людей, стремившихся к европеизации России вообще, с точки зрения «единства цивилизации», вели войну не потому только, что они не могли ограничиться идеалами этих людей (такая война была бы справедлива), а потому, что они не хотели итти так далеко в развитии данной, т.-е. капиталистической, цивилизации. «Ученики» решают вопрос о капитализме в России в смысле его прогрессивности и потому не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом про-

---

1 *Ленин.* Соч., том II, стр. 328.
2 *Ленин.* Соч., том II, стр. 330.
3 То есть марксист.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

тиворечий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей»...

«В конце концов, — заключает Ленин, — мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники*» [1].

В 60-х годах, при слабости тогдашнего революционного движения и при необходимости направлять революционные удары против основного «зла» того времени — против крепостного права, идея крестьянской революции была глубоко революционной идеей. Позднее же, когда капитализм в России достаточно вырос и пролетариат развил свое классовое революционное движение, которое ставило задачей революции не только борьбу против остатков крепостничества, но и борьбу за торжество социализма, за уничтожение всякого гнета и всякой эксплоатации, — в интересах революции стало необходимым, чтобы пролетариат — этот до конца революционный класс — стал гегемоном в революционной борьбе. В это время народничество с его идеей крестьянской революции и с его либерально-народнической идеологией и политикой начало борьбу против пролетарского революционного движения и против марксизма, как идеологии пролетариата. Народничество стало в это время — и чем дальше, тем больше — превращаться в реакционную силу [2]. Этому усилению буржуазно-либеральных тенденций в народничестве способствовала и диференциация крестьянства — образование в деревне сильного кулацкого слоя. Характеризуя «вырождение» народничества, Ленин писал:

«...деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм. Иначе как вырождением нельзя назвать этого превращения. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно самобытных путях нашего развития — вырос какой-то жиденький эклектизм... Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*» [3].

Вместе с тем «та пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъ-

---

[1] *Ленин.* Соч., том II, стр. 330—331.

[2] Еще позже, в эпоху пролетарской революции, выродившееся народничество (эсеры, энесы и т. д.), вступив в борьбу против революционного пролетариата и его требований, превратилось в силу прямо контрреволюционную. Народнические контрреволюционеры того времени не имеют, конечно, ничего общего с великим демократом и революционером Н. Чернышевским.

[3] *Ленин.* Соч., том I, стр. 165.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

единимое целое (как это было, напр., в эпоху Чернышевского), безвозвратно канула в вечность» [1].

Но чисто оппортунистическими стали только буржуазно-интеллигентские кадры народничества. Что же касается крестьянства, его бедняцких и в значительной степени середняцких слоев деревни, то там революционное движение, наоборот, росло, и этим все более подготовлялась почва для грядущей революции. Но вместе с тем назревали и условия разрыва между руководящей верхушкой народничества, становившейся все более реакционной, и широкими крестьянскими массами расслаивавшейся деревни.

В 1911 году в статье «По поводу юбилея» Ленин писал:

«...в народничестве таилась двоякая тенденция... Поскольку народники прикрашивали реформу 1861 года, забывая о том, что «наделение» реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки зрения либерализма, до точки зрения либерального буржуа, или даже либерального помещика; — постольку они объективно становились защитниками такого типа капиталистической эволюции, которая всего более отягощена помещичьими традициями, всего более связана с крепостническим прошлым, всего медленнее, всего тяжелее от него освобождается.

Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 61-го года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без *всякого* ограничения, «наделы», при наибольшей культурной, правовой и проч. самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда последователен и решителен, при чем буржуазный характер его оставался ими несознанным...

Эта двоякая, либеральная и демократическая тенденция в народничестве вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861 года...

Из двух указанных тенденций народничества демократическая, опирающаяся на сознательность и самодеятельность не помещичьих, не чиновничьих и не буржуазных кругов, была крайне слаба в 1861 году. Поэтому дело и не пошло дальше самого маленького «шага» по пути превращения в буржуазную монархию. Но эта слабая тенденция существовала уже тогда. Она проявлялась и впоследствии, то сильнее, то слабее, как в сфере общественных идей, так и в сфере общественного движения *всей* пореформенной эпохи. Эта тенденция росла с каждым десятилетием этой эпохи, питаемая каждым шагом экономической эволюции страны, а, следовательно, и совокупностью социальных, правовых, культурных условий.

---

[1] *Ленин.* Соч., том I, стр. 170.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

Через 44 года после крестьянской реформы и та и другая тенденция, которые в 1861 году только наметились, нашли себе довольно полное и открытое выражение на самых различных поприщах общественной жизни, в различных перипетиях общественного движения, в деятельности широких масс населения и крупных политических партий. Кадеты и трудовики, — понимая тот и другой термин в самом широком смысле, — прямые потомки и преемники, непосредственные проводники обеих тенденций, обрисовавшихся уже полвека тому назад. Связь между 1861 годом и событиями, разыгравшимися 44 года спустя, несомненна и очевидна. И то обстоятельство, что в течение полувека обе тенденции выжили, окрепли, развились, выросли, свидетельствует, бесспорно, о силе этих тенденций, о том, что корни их лежат глубоко во всей экономической структуре России» [1].

Итак, «демократическая» тенденция русской революции 1905 года, выразившаяся в том, что революционно настроенное крестьянство совершило ряд выступлений против помещиков, в том, что оно не пошло за кадетами, которые старались потушить революцию, и образовало свою организацию, ведет начало от 1861 года, от того движения революционной демократии, вождем которого был Чернышевский.

В статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» Ленин писал:

«Либералы 1860-ых годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию» [2].

«В революции 1905 года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс*, в борьбе *партий* на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных Думах» [3].

«Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга. Пролетариат организовался и выступал отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей рабочей с.-д. партии. Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени... Но все же, в общем и целом, крестьянство, как масса, боролось именно с помещиками, выступало революционно, и во всех Думах — даже в третьей, с ее изуродованным в пользу крепостников представительством — оно создало трудовые группы, представлявшие, несмотря на их частые колеба-

---

1 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 95—97.
2 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 143—144.
3 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 145.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

ния, настоящую демократию. Кадеты и трудовики 1905—7 годов выразили в массовом движении и политически оформили позицию и тенденции буржуазии, с одной стороны, либерально-монархической, а с другой стороны, революционно-демократической» [1].

Родоначальником этой второй — революционно-демократической тенденции был, как Ленин говорил выше, Н. Г. Чернышевский.

В статье «По поводу юбилея» Ленин писал:

«Сравнение 1861 года с 1905—07 годами яснее ясного показывает, что это *реальное* историческое значение народнической идеологии состояло в противоположении *двух* путей *капиталистического* развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию к старой, подчиняющего первую второй, замедляющего ход развития, — и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития» [2].

В 60-х годах революционные демократы оказались слишком слабыми и немногочисленными, а потому и потерпели поражение: «революционное *движение* в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было» [3].

Чернышевский, М. Михайлов и другие пошли на каторгу. Добролюбов умер юношей. Но начатое ими революционное движение не погибло.

В статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» Ленин писал:

«Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов» [4].

Ту же мысль находим мы у Ленина и в статье «По поводу юбилея»:

«...вышло так, что представители сознательно враждебной либерализму демократической тенденции в реформе 1861 года, казавшиеся тогда (и долгое время спустя) беспочвенными одиночками, *оказались* на деле неизмеримо более «почвенными», — оказались тогда, когда созрели противоречия, бывшие в 1861 году в состоянии почти зародышевом... История навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи, — о вторых, как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего» [5].

Чернышевский был вождем этих передовых людей эпохи 60-х годов. Надо было иметь действительно «глубокое и превосходное

---

1 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 145—146.
2 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 98.
3 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 142.
4 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 147.
5 *Ленин.* Соч., том XV, стр. 98.

Электронное научное издание
«Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ»

понимание Чернышевским современной ему действительности»[1], надо было обладать действительно «гениальным провидением» для того, чтобы в 60-х годах, когда общественные противоречия, породившие через 40 с лишним лет революцию, были еще «в состоянии почти зародышевом», дать начало движению, которое, как указывает Ленин, сыграло громадную роль в революции 1905 года и играло ее вплоть до Февральской революции 1917 года. Нужно было быть действительно до конца стойким, мужественным революционером, чтобы в то время итти так непреклонно к поставленной революционной цели. Вот эту-то мужественность и непреклонность революционера, это «гениальное провидение» и ценил Ленин чрезвычайно высоко в Чернышевском.

Есть еще одно обстоятельство, которое роднит Чернышевского с Лениным, роднит его с нашей пролетарской революцией, делает его весьма близким для нас. Это глубокая вера Чернышевского в народ, вера в могучую, неисчерпаемую силу народных масс, его глубокое убеждение, что победа народного дела может быть достигнута только классовой борьбой революционных масс трудящихся.

Н. Г. Чернышевский целиком принадлежит нам, нашей великой стране Советов. Дело, за которое отдал всю свою славную и прекрасную жизнь Чернышевский, победоносно осуществлено Великой Октябрьской социалистической революцией.

Н. Мещеряков.

---

[1] *Ленин.* Соч, том I, стр. 178.